

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Ковалёв

*к.э.н., доцент, Белорусский национальный технический университет,
Минск*

ЯЗЫК КАК СПОНТАННЫЙ ПОРЯДОК: ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ¹

Аннотация. В статье рассматривается случай закрепления деривата имени как идентифицирующего инструмента за конкретными людьми в населенном пункте с малым количеством имен и фамилий, не позволявшего организовать эффективную идентификации личности. Исследование проводилось на примере деревни Лыще Пинского района Брестской области Республики Беларусь. Методы исследования включают изучение архивных записей и опросы уроженцев и жителей деревни. Рассмотренный пример показывает бесконечную вариативность развития языка как спонтанного порядка.

Ключевые слова: *спонтанный порядок, язык, личные имена, дериваты.*

Классификация JEL: B13, B53, Z13.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10207

Введение

Современный этап развития научного знания как никогда ранее требует развития междисциплинарного подхода к исследованиям, при этом возрастает значение языка и как инструмента взаимодействия исследователя с исследуемыми субъектами, и как способа представления субъектами наиболее достоверной информации о своей деятельности – основы дискурсивной методологии [Ефимов, 2011].

Подход к рассмотрению общественных институтов как спонтанных порядков является одним из краеугольных камней теории эволюции австрийской школы экономики. Язык наряду с деньгами является одним из наиболее исследованных феноменов в рамках данной парадигмы [Уэрта де Сото, 2009; Holcomb, 2014].

Развитие языка проявляется в самых различных сферах, включая ономастику. История развития фамилий и личных имен в различных языках является достаточно глубоко изученным феноменом. Тем не менее некоторые любопытные случаи остаются вне поля рассмотрения филологов и социологов.

Цель настоящей статьи – проанализировать использование деривата как инструмента идентификации личности. Исследование проведено на примере деревни Лыще Пинского района Брестской области Республики Беларусь.

¹ Автор выражает огромную благодарность за помощь в сборе информации своей маме, Александре Владимировне Ковалёвой, учительнице русского языка и литературы Лыщанской средней школы в 1964–1969 гг., и тете, Надежде Владимировне Думанской, учительнице русского языка и литературы Лыщанской средней школы в 1968–2004 гг.

Язык как спонтанный порядок

Идею спонтанных (стихийных) порядков в явном виде сформулировал еще в XVIII в. шотландский моралист и философ А. Фергюссон, представивший сложившуюся систему собственности и политических институтов как «результат человеческих действий, но не человеческого замысла» [Хайек, 2000]. Аналогичные мысли высказывали Д. Юм о развитии системы правосудия и А. Смит о том, что «естественный ход вещей» не нуждается в мелочном контроле со стороны правительственной системы.

Основатель австрийской школы К. Менгер предложил теоретическое объяснение стихийной эволюции социальных институтов, основанное на человеческом взаимодействии. Человек действующий, являющийся ключевым актором, принимает решения на основании имеющейся у него субъективной информации, опыта и известных только ему целей. В результате бесчисленных действий некоторые из участников процесса методом проб и ошибок обнаруживают (открывают) такие формы взаимодействия, которые упрощают достижение поставленных целей. Другие люди (группы), перенимая такие «правильные практики», распространяют данный опыт – и в итоге децентрализованно формируется определенный социальный институт. Ключевой менгерианский вопрос «как же могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению» и «какова ... природа этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их существа и их движения» [Менгер, 2005. С. 404] заложил исследовательскую программу австрийской школы.

Дальнейшее развитие теория эволюции спонтанных порядков получила в работах Ф.А. фон Хайека [Хайек, 1992, 2000, 2006]. Замечательное представление этой теории дала американская исследовательница Карен Вон [Вон, 2009]. По ее мнению, спонтанный порядок состоит из трех логически взаимосвязанных частей. Во-первых, человеческие действия зачастую приводят к непреднамеренным и непредсказуемым для самих агентов последствиям. Во-вторых, эти непреднамеренные последствия действий большого числа людей могут с течением времени реализоваться в некий порядок, который люди способны осознать и могут воспринимать как результат сознательного замысла. Наконец, возникший порядок дает несомненное преимущество в достижении изначальных целей участникам процесса, причем совершенно необязательно тем способом, который они изначально имели в виду.

Формирование порядков происходит методом проб и ошибок, когда отбираются те правила, которые обеспечивают придерживающимся их группам преимущество относительно других (например, в экономическом аспекте – более высокий уровень благосостояния). Спонтанные порядки формируются и функционируют на основе абстрактных правил в смысле одинаковости их для всех членов общества (или больших групп). Обычно эти правила негативны («не убий, не укради»), хотя могут быть и позитивными («уважай собственность и соблюдай контракты»), распространяя свое действие на абстрактную, а не чью-то конкретную собственность или контракты, т.е. действуют в отношении всех, а не конкретных лиц и интересов.

Хайек подчеркивает необходимость отбора самих правил, «которые сделают возможным в любой момент удостоверить границу защищенных владений каждого» – границу области, в которой индивид «может действовать свободно... Собственность в широком смысле слова, включающая не только материальные вещи, но ... жизнь, свободу и имущество каждого человека, – единственное найденное людьми решение проблемы совмещения личной свободы с отсутствием конфликтов» [Хайек, 2006. С. 125–126]. Получение отдельными индивидами права самостоятельного распоряжения в узаконенной сфере частной жизни привело к сети коммерческих отношений, связавших между

собой отдельные общины... Порядок такого рода... мог быть сформирован только на основе индивидуализированной (*several*) собственности [Хайек, 1992. С. 53–54].

При этом и сама «концепция собственности явно не упала готовой с небес. Если в результате изменения обстоятельств возникают новые проблемы и делается необходимой ... демаркация границ собственности там, где прежде вопрос о владельце прав не имел значения... возникнет задача найти решение, которое служило бы общей цели...» [Хайек, 2006. С. 126].

Абстрактные правила не могут однозначно гарантировать в результате некий заранее спланированный результат. Эти правила являются по Хайеку «ends-independent» в том смысле, что могут привести к достижению множества конечных состояний [Horwitz, 2015]. Важно подчеркнуть, что для развития различных спонтанных порядков требуются различные правила; сами правила также являются результатом непреднамеренных последствий человеческих действий; наконец, взаимодействие различных порядков может приводить к еще более многовариантным конечным результатам, даже не всегда положительным.

Язык является одним из социальных институтов, наиболее соответствующим вышеописанным критериям. Язык есть «высокосложный инструмент оральной коммуникации, который возникает в результате вербальной активности миллионов людей в течение тысяч лет без чьего-либо замысла его развития» [Blanchard, 2015. P. 16].

Цели различных людей и групп в процессе пользования языком различны – и в этом аспекте он, безусловно, «ends-independent» – вряд ли можно было предсказать появление тюремного сленга, который благодаря наличию специфических слов и специфического значения слов позволил членам определенной группы быть понятыми между собой и недоступными для понимания другими.

Язык является саморазвивающимся – изменения и новации происходят в нем не по иерархическому указанию, а в процессе живого развития и слов, и норм выговора и правописания: «...в языке все время появляются новые структуры и формы. При этом в акте языкового творчества случайность может приобретать самые разные формы» [Молчанова, 2009. С. 204]. Хайек отмечает важность развития языка как для вербальной формулировки правил, формирующих спонтанные порядки, так и для формирования новых порядков (например, системы права) [Хайек, 2006. С. 95–96].

В языке существует набор правил, которым должен следовать любой, кто хочет быть вовлечен во взаимодействие в рамках данного института. Носитель языка становится понятным, если он правильно использует грамматические конструкты и употребляет слова в их общепринятом значении – и в этом смысле важно подчеркнуть роль научных институтов, от которых требуется выполнение функций кодификации вновь возникающих в языке явлений и понимание невозможности искусственного конструирования языка. Люди, составляющие словари, авторы учебников филологии, безусловно, имеют значительную степень воздействия на развитие языка, но их влияние – это малая часть сложной культурной эволюции языка, свою лепту в которую вносит каждый [Blanchard, 2015] – и совершенно нет необходимости наделять кого-то правом реформировать язык «сверху донизу», чтобы он якобы стал лучше.

Язык не является завершённой системой, и каждый человек встраивается в данный порядок, чтобы быть понятным: при усвоении первого, родного языка мы в основном имеем дело с процессом спонтанного укоренения языковой системы [Воейкова, 2011], и вносит свой вклад в его развитие, даже не представляя этого. Языки развиваются под действием войн, миграций, торговли, но никак не в соответствии с некими непреложными и заранее определенными внутренними правилами развития.

Спонтанные порядки создаются без Создателя. По мнению И.А. Астафьевой, язык может быть охарактеризован как «открытая нелинейная система, подверженная внутрен-

ним и внешним колебаниям, допускающим как нестабильность и хаотичность структур, так и их упорядоченность» [цит. по: Молчанова, 2009. С. 203], то есть вполне удовлетворяет признакам самоорганизующейся системы, спонтанному порядку.

Спонтанный vs. упорядоченный путь происхождения антропонимов

Под антропонимами понимается «отдельный класс имен собственных, объединяющий любые собственные имена, которые может иметь человек, в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним и т.д.» [Воронцова, Чаплин, 2014. С. 136].

Имена собственные, помимо собственно эволюции языка, несут в себе отпечаток истории, антропологии, социологии, этнографии, потому каждый народ имеет свою антропонимическую систему, обусловленную и продолжительностью, и характером цивилизационной среды своего развития.

Представляется, что и исторически, и логически первым антропонимом человека было личное имя, позволявшее идентифицировать его и выделить из определенной группы лиц. В семье зачастую ребенок получал имя в соответствии с очередностью появления на свет (*Первак, Вторак, Третьяк*), по каким-либо внешним признакам (*Беляк, Кудряш*), по отношению родителей (*Ждан, Томилко*), по черте характера (*Добрыня, Несмеяна*) – и этого было достаточно для идентификации. В «большом» мире такого имени оказывалось недостаточно – и, как правило, человек получал еще и другое имя, отражающее его характер, деятельность или положение в социуме (*Кисляк, Гуляйко, Горемыко*).

С принятием христианства в большинстве европейских стран именем человека становится лишь полученное при крещении, а остальные с точки зрения церкви превращаются в прозвища. Однако и в таком статусе они помогают достичь изначальной цели – идентификации конкретного человека – и еще долгое время сохраняются. Общеизвестно, что переписчик Остромирова Евангелия подписался «в крещении Иосиф, а мирски Остромир». Кроме привычки использовать мирские имена, причиной их сохранения может быть малое количество крестильных имен, которые давались в соответствии со святыми, церковным календарем.

В конце XIV в. имя *John* было примерно у четверти всего мужского населения Англии. Как отмечал J. Hughes, если бы в то время где-нибудь на рынке в Уэльсе было произнесено имя *John Johnes*, то на него откликнулись бы либо все, либо никто: «все, потому что каждый подумал бы, что зовут его; никто, потому что к имени не было добавлено никаких особых отличительных характеристик» [цит. по: Леонович, 2002. С. 20].

Первая массовая поземельная перепись в Англии в фискальных целях («Книга Судного дня») показала наличие прозвищ у землевладельцев уже в конце XI в. Интересно, что «в судебных архивах, в монастырских ...картуляриях, составленных на средневековом латинском языке, а позднее, в XII–XIV вв., и на французском языке, прозвища записывались рядом с личными именами» [Кузьмин, 2015. С. 252].

Логичным и естественным процессом было превращение прозвищ в наследуемые фамилии, причем процесс этот для разных социальных групп и регионов мог достигать по длительности нескольких столетий и происходил различными способами. Анализ позволяет исследователям [Леонович, 2002] выделить несколько групп этимологии прозвищ, давших основу английским фамилиям: отантропонимические (использование в качестве фамилии личных имен с префиксами – *сын* или *дочь*, например, *Johnson*), по месту проживания (*Hill, Fields* или *Scott, Welsh*), по роду занятий (*Smith, Baker*), описательные (*Small, Brown*).

Обнаруживается сходство способов образования фамилий в русском и английском языках: от личных имен (*Иван – Иванов, John – Jones, Johnson*); от названий профессий

(кузнец – *Кузнецов*, smith – *Smith*); от названий животных (волк – *Волков*, fox – *Fox*); от названий цветообозначений (белый – *Белов*, brown – *Brown*); по принадлежности к какой-либо национальности, по месту проживания (поляк – *Поляков*, french – *French*); по внешним признакам и особенностям человека (big – *Bigg*, большой – *Большов*); от библейских имен (от имени святого St. Lawrence образовались фамилии *Lawrence*, *Lawson*, *Лаврентьев*) [Воронцова, Чаплин, 2014].

Нехватка официальных фамилии и имени собственного для идентификации личности приводили к поиску дополнительных инструментов (например, второе имя в Англии, отчество в Российской империи).

Весьма интересной темой представляется способ происхождения фамилии. Процесс этот не всегда представлял собой спонтанный порядок, когда прозвище закреплялось в качестве фамилии методом проб и ошибок. Известны случаи «иерархического» присвоения фамилий. В Дании, например, королевский указ в 1526 году обязал всех дворян иметь фамилию. В 1465 году англичане попытались обязать всех ирландцев перейти на английские фамилии, означающие название английских городов, название ремесла или цвета – но попытка была обречена на провал, и таких фамилий в Ирландии сегодня крайне мало. Зачастую крепостных крестьян в России записывали по фамилии помещика – отсюда редкая для других славянских языков форма фамилии на *-их* (будете чьих?) – *Тонких*, *Долгих*.

Еще одним важным явлением в антропонимике является наличие дериватов – сокращенных форм личного имени, иногда значительно отличающегося от базового. В английском языке примером может послужить такой вариант: *James – Jim – Jimmy*. В русском языке благодаря наличию уменьшительно-ласкательных форм вариаций имени может быть гораздо больше. При этом в английском языке какой-то из дериватов может закрепиться в качестве основного имени человека – например, Президент США *Jimmy Carter*. В русском же языке [Воронцова, Чаплин, 2014] в зависимости от эмоционального смысла, возраста человека, социальной группы и личных вкусов могут применяться самые различные дериваты, которые практически никогда не заменяют личного имени (*Александр – Саша, Сашка, Сашенька, Сашуля, Шурик* и т.д.).

Таким образом, появление и развитие системы имен собственных, прозвищ, фамилий было обусловлено логикой эволюции, имело целью четко идентифицировать человека, носило преимущественно спонтанный характер.

Дериваты как инструмент идентификации личности (кейс д. Лыще)

Деревня Лыще расположена в Пинском районе Брестской области Республики Беларусь. По переписи 1998 г. в деревне 252 хозяйства, 543 жителя. Резкий спад населения по сравнению с 1970-ми гг. связан как с естественной убылью населения, так и с массовой миграцией в города. Подавляющая доля населения – белорусы. Разговорный язык представляет собой специфический микроязык, относящийся к западнополесской группе говоров.

Точная дата основания деревни неизвестна, впервые упоминается как остров Лыщич села Заборович в Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств 1552–1555 гг. [Писцовая, 1884]. В 1793 г. по второму разделу Речи Посполитой включена в Российскую империю – и на карте Минской губернии 1800 г. отмечена среди немногих населенных пунктов Пинского уезда.

Динамика изменения численности населения в соответствии с Ревизскими сказками и Переписью населения Польской республики 1921 г. приведена в табл. 1.

Таблица 1
Численность населения деревни Лыще, чел.

Год	1811	1816	1834	1850	1858	1921
Мужчин	131	110	152	161	138	289
Женщин	Н/д	85	152	156	146	315
Всего	131	195	304	297	284	604

Источник: [НИАБ, ф. 333. оп. 9, дела 217, 67, 369, 370, 668, 672, 1138, 1139; Pierwszy, 1927].

Невзирая на достаточно большой размер и удобное местоположение (на дороге «Пинск – Клецк – Несвиж»), деревня не была сколь-либо значима до 1950-х гг., когда стала центром сельского совета. В XIX – начале XX вв. в разное время деревня относилась к приходам костела и церквей соседних деревень – Логишинского костела Св. Петра и Павла, Доброславской Троицкой церкви и Логишинской Преображенской церкви.

Как и в большинстве деревень Беларуси, в Лыще наблюдается незначительное количество фамилий. Изучение Метрических книг Доброславской и Логишинской церквей показало, что во второй половине XIX – начале XX вв. при более чем 300 жителях свыше 90% носили 4 фамилии [НИАБ, ф. 36, оп. 17, д. 54–55, 70; НИАБ, ф. 36, оп. 25, д. 96–100, 165–170]. По Ревизским Сказкам 1858 г. в деревне на 35 дворов было 11 семей² *Занковцов*, 25 семей *Пригодичей*, 16 семей *Счастливых* и 5 – *Корзунов*. По данным Метрических книг, в 1880-е гг. число семей с фамилией Пригодич превысило 60. Если учесть количество браков между носителями самых распространенных фамилий, представляется очевидной сложность идентификации человека только по фамилии. В начале XX в. в деревне появились новые фамилии (женившиеся здесь после первой мировой войны солдаты, приезжие из других сел) – Думанские, Яворские, Трушко, Боровские. Фамилия в качестве основы идентификации использовалась только в случаях, когда она была редкой/единственной: например, *Думанский*.

Личные имена также не изобиловали разнообразием. В 1858 г. из 138 мужчин более половины носили 8 имен: Иван – 16, Иосиф – 13, Василий – 9, Пётр – 9, Михаил – 8, Яков – 7, Андрей – 6, Антон – 6; из 146 женщин более половины – 7 имен: Мария и Екатерина – по 17, Анна – 11, Франциска – 9, Настасья – 7, Агафья и Наталья – по 6.

Имена были привязаны к церковному календарю (святкам): священник нарекал младенца при крещении именем приходящегося на этот день святого/святой, потому иногда все крещенные в один день носили одинаковые имена. Наблюдались случаи, когда после смерти ребенка в младенческом возрасте еще один новорожденный получал такое же имя, как умерший. Представляется, что происходило подобное скорее по причине совпадения «дня святого», чем по инициативе родителей. Наконец, интересной представляется ситуация, когда у братьев/сестер в одной семье встречаются различные дериваты одного имени: *Иосип – Иосиф, Марьянна – Марыся*. В церковных Метрических книгах данные имена указаны в официальной форме (Иосиф и Мария), в Ревизских же сказках переписчики опирались на информацию, получаемую непосредственно от жителей, потому в них встречаются различные дериваты: *Григур и Григор; Марыля, Марина, Марьянна и Марыся; Мутруна, Настуся, Виктуся, Дамян, Удутка (Авдотья)* [НИАБ, ф. 333, оп. 9, д. 369, 672, 1138, 1139].

² Как правило, в одном дворе жили несколько семей близких родственников. Под семьей понимается наличие мужа и жены либо вдовца/вдовы с неженатым сыном/незамужней дочерью. Овдовевших родителей, живущих вместе с женатыми сыновьями, при подсчетах мы включали в семью последнего.

Сложившаяся ситуация с малым количеством фамилий и небольшим количеством имен не способствовала эффективной идентификации человека, что потребовало применения дополнительных знаков-прозвищ.

В литературе представлены образование и применение индивидуальных прозвищ [Трубецкой, 2005]. В Лыще стандартными прозвищами являлись прозвища по имени предка или супруга (и не обязательно мужчины) – например, *Надя Василикова* (по мужу *Василику*), *Люба Пруськина* (по маме *Пруське – Ефросиньи*), *Коля Мартынчиков* (по деду *Мартыну*). Закрепленные прозвища в течение нескольких поколений иногда трансформировались в уличную фамилию: например, *Мынусёвы* (от имени Мина). Другим вариантом было прозвище по месту проживания / происхождения: *Коля Табулчанчын* (его мать была из деревни Табулки и соответственно была *Табулчанка*), *Крыло Подгородцов* (из деревни Подгородье), *Пучынка* (из деревни Пучины). Существовали и прозвища «отпрофессиональные»: *Маня Поштарка*, *Саможэня* (сама себя «женила» – инициировала замужество).

Как отмечалось выше, происхождение таких прозвищ является общераспространенным. Вместе с тем в Лыще появился дополнительный элемент данного инструмента идентификации – закрепление определенной формы деривата за конкретными людьми на всю жизнь. Дериватов было достаточно много и с их помощью проблема идентификации была решена.

Для сбора информации по дериватам использовался опрос жителей и уроженцев деревни, а также изучение Метрических книг конца XIX – начала XX в. Приведенные в приложении дериваты охватывают пласт жителей, родившихся в 1880–1980 гг.

Представим данный феномен на основе одного мужского и одного женского имени – *Владимир* и *Мария*. Базовые формы данных имен на местном микроязыке звучат как *Ладзё* и *Марыля*. В деревне жили одновременно *Ладзё*, *Ладзь*, *Лодзь*, *Ладо*. Самое популярное женское имя имело варианты *Марыля*, *Марылька*³, *Маня*, *Маруся*, *Марыйка*, *Марина*.

В качестве иллюстрации применения деривативов для идентификации человека приведем диалог.

В пригородном автобусе две бабушки-жительницы Лыща пытаются выяснить у городского мальчика, к кому он едет:

— *До кого ты йидэш, хлопэц?*

— *До диды з бабою.*

— *А хто твуй дид?*

— *Дид Володя.*

— *А хвамылия яка?*

— *Прыгодич.*

— *То много таких. А бабу як зваты?*

— *Баба Марыля.*

(в замешательстве задают уточняющий вопрос) – *А дэ жынуть?*

— *Коло болутца.*

— *А, то вун йидэ до Ладзя и Марыльки.*

Иногда «закрепленный» дериватив сочетался с прозвищем – например *Ладзё Мостыский* (по названию фольварка Мостыще) или *Марыля Годэлёва* (по прозвищу мужа – *Годэль*), но употребление прозвищ было излишним, поскольку дериваты практически не повторялись – и все жители деревни имели четкое представление, о ком идет речь именно по деривату. Интересно, что иногда дериват употреблялся даже для единственного на тот момент обладателя редкой фамилии – *Пэтюша (Думанский)* – и использовался для

³ Конечно, уменьшительно-ласкательные формы имен употреблялись не только в целях идентификации, особенно в отношениях близких людей, в семье. Однако именование таким деривативом «вовне» коррелировалось с определенным человеком.

идентификации активнее фамилии. Выяснить происхождение того или иного деривата не представляется возможным. Единственные подтвержденные версии – «так называла в детстве мама», «так называли с детства сверстники».

Схожая ситуация сложилась в соседних деревнях Заборовцы с двумя «базовыми» фамилиями и Липники. При этом в соседней же Доброславке явление мало распространено, а в Мокрой Дубраве подобное явление не наблюдается. Объяснением может служить наличие большего числа внешних мигрантов в эти деревни и соответственно большее разнообразие фамилий (в Доброславке во второй половине XIX – начале XX вв. – около двух десятков).

Выводы

В статье рассмотрен нетрадиционный инструмент идентификации личности в одной из белорусских деревень – закрепление определенной формы деривата за конкретным человеком на всю жизнь.

Рассмотренный пример использования деривата как идентифицирующего знака показывает бесконечную вариативность развития языка как спонтанного, стихийного порядка. С высокой долей вероятности можно утверждать, что условием формирования такой системы является ситуация, когда в населенном пункте существует ограниченное число фамилий-имен, по которым нельзя эффективно организовать идентификацию личности.

Развитие исследования может быть построено в двух направлениях: объяснении происхождения и закреплении деривативов за их носителями; поиск аналогичных случаев в других регионах/странах и их сопоставление.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Список имен и их дериватов

№	Имя на русском языке	Имя на местном микроязыке	Дериваты
1	Агафья	Агафа	Огапа, Огапка
2	Адам	Адам	Адась, Дасё
3	Александр	Санё	Олександрэр, Саша, Шурык, Шуро, Санько, Салько, Санечко
4	Александра	Саня	Шура, Саша, Олеся
5	Алексей	Алёша	Алёшка, Алёх
6	Анастасия	Насьця	Настуся, Насьцечка, Тася, Настуля
7	Анатолий	Толё	Толик
8	Анна	Ганна	Ганя, Гандзя, Гэнушка, Нися, Ганюта, Ганэля
9	Антон	Тонё	Антон, Антось
10	Антонина	Тоня	Антося, Антоська
11	Варвара	Варвара	Вара, Барбара, Боба, Барбарка
12	Валерия		Валерця
13	Василий	Василь	Базыль, Базё, Васё, Вась, Василик, Васенька, Вацё

№	Имя на русском языке	Имя на местном микроязыке	Дериваты
14	Виктор	Вицё	
15	Виталий	Виталь	Талё
16	Владимир	Ладзё	Володя, Ладо, Ладэк, Ладзик, Ладзюнё, Лодзь
17	Галина	Галя	Гэля
18	Григорий	Грыша	Рыгур, Грыц
19	Дмитрий	Мытёр	Мытрук, Мытик
20	Домника	Домныкия	Дэмэныся, Дэмэныська
21	Евгения	Женя	Женька, Ёўгэня
22	Екатерина	Катя	Катеруша
23	Елена	Олена	Оленка
24	Ефросинья	Пруся	Пруська
25	Зиновий	Зэно	Зэнык, Зэнэк, Зэнко
26	Иван	Иван	Иван, Ясь, Ванюшка, Янэк, Яно
27	Игнат	Гнат	Гналё
28	Иосиф	Юзё	Юзик, Осип
29	Илья		Льяш, Ляшко
30	Ирина	Ира	Ярынка, Яра, Ярына
31	Казимир	Казё	Казик
32	Кирилл	Кирыло	Крыло
33	Константин	Костя	Костик, Костё
34	Корней	Корний	Корнийчык
35	Кузьма	Кузьма	Кузёмка
36	Леонид	Лёнё	Лёнчык, Лёня
37	Лука	Лука	Лукаш
38	Любовь	Люба	Любка
39	Максим	Максым	Максымко
40	Мария	Марыля	Марылька, Марылечка, Маня, Маруся, Марина
41	Марта	Марта	Марточка
42	Матрона	Матруна	Мутруна
43	Меланья	Меланья	Малания
44	Михаил	Миша	Михал, Мишка, Мыхалко, Мыхуль, Мыхась
45	Надежда	Надя	Надька

№	Имя на русском языке	Имя на местном микроязыке	Дериваты
46	Наталья	Наталля	Наташа, Наталка
47	Никита	Мыкита	Мыкитка
48	Николай	Коля	Колик, Колюсь, Колян, Мыколай, Мыколайко
49	Ольга	Голя	Голька, Голюшка
50	Павел	Павэл	Павлюк, Павэлко
51	Павлина	Пава	Паўка
52	Пётр	Пэть	Пэтько, Пэтюша, Пэтюшко, Пэтрुक, Пэтрусь
53	Пелагея	Поля	Пулюшка
54	Прасковья	Параша	Параська
55	Роман	Роман	Ромык, Романчик
56	Серафима	Сарахвына	Сарахвынка
57	Семён	Симон	Симык, Сёма, Сёмка, Сенчик
58	Сергей	Сергей	Серожка, Сей, Сергей
59	Софья	Зоня	Зонька, Зося, Зоська
60	Станислав	Стась	Станё
61	Степан	Сцёпа	Сцёпчык
62	Стефанида	Стэпа	Стэпка
63	Татьяна	Тэтяна	Тэтянка
64	Феликс	Хвэлё	Хвэлько
65	Тихон	Тыхон	Тыхунко
66	Устинья	Юстына	Юста, Юсточка
67	Февронья	Ўруня	Ўрунька
68	Феодосий	Хвэдось	Хвэдосько
69	Филипп	Пылип	Пылипка
70	Фома	Хома	Хомэчко, Хомка, Томаш
71	Франц	Фрэно	Фрэнык
72	Христина	Христина	Хрысця, Крыся
73	Юрий	Юрый	Юрко
74	Яков	Ясь	Яша, Яковко

ЛИТЕРАТУРА

- Воейкова М.Д. (2011). Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак.
- Вон, Карен И. (2009). Невидимая рука // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. С. 226–231.
- Воронцова И.И., Чаплин С.Г. (2014). Особенности образования антропонимов (сравнительный анализ русской и английской традиций) // Новый филологический вестник. № 3 (30). С. 136–144.
- Ефимов В.М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. Т. 12. № 3 (Май). С. 15–53.
- Кузьмин А.А. (2015). К вопросу происхождения средневековых английских фамилий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 2–1. С. 251–253.
- Леонович О.А. (2002). В мире английских имен: Учебное пособие по лексикологии. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: АСТ, Астрель.
- Менгер К. (2005). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Молчанова Г.Г. (2009). О синергетике и синергетическом сцеплении концептов «жизнь» и «текст». // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур. С. 199–207.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 36, оп. 17, д. 54–55, 70.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 36, оп. 25, д. 96–100, 165–170.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 333, оп. 9, д. 67, 217, 369, 370, 668, 672, 1138, 1139.
- Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, составленная Пинскимъ старостою Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552–1555 г. (1884). Вильна: Издание Виленской археографической комиссии.
- Трубецкой В.С. (2005). Особенности именования жителей пос. Атиг Нижнесергинского района Свердловской области // Вопросы ономастики. № 2. С. 147–150.
- Уэрта де Сото Х. (2009). Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество: Пер. с англ. Б.С. Пинскера. Под ред. А. В. Куряева. Челябинск: Социум.
- Хайек Ф. (2000). Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф.
- Хайек Ф. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Хайек Ф. (2006). Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН.
- Blanchard Jr., K.C. (2015). Natural Right and natural Selection // Darwinian Conservatism: A Disputed Question / ed. by K.C. Blanchard Jr. Charlottesville: Imprint-academic.com.
- Holcomb R.G. (2014). Improving Spontaneous Orders// Austrian theory and economic organisation: reaching beyond free market boundaries / ed. by G. Nell. New York: Palgrave Macmillan.
- Horwitz S. (2015). Hayek's Modern Family: classical liberalism and the evolution of social institutions. New York: Palgrave Macmillan.
- Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 wrzesnia 1921 roku (1927). Warszawa, Wydawnictwa Głównego Urzędu Statystycznego.

Ковалёв Александр Васильевич

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Aliaksandr Kavaliou

Ph.D. (Economics), Associate Professor, Department of Management of Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

LANGUAGE AS A SPONTANEOUS ORDER: PRIVATE CASE

Abstract. The article deals with the case of assignment of a name derivative as an identifying tool for specific people in a settlement with a small number of names and surnames that did not allow organizing an effective identification of an individual. The study was conducted on the example of the village of Lyshe, Pinsk district, Brest region of the Republic of Belarus. Research methods include the study of archive records and surveys of natives and villagers. The considered example shows the infinite variability of language development as a spontaneous order.

Key words: *spontaneous order, language, personal names, derivative.*

JEL classification: B13, B53, Z13.

REFERENCES

- Blanchard Jr.K.C.* (2015). Natural Right and natural Selection. In Blanchard Jr., K.C. (ed.) *Darwinian Conservatism: A Disputed Question*. Charlottesville: Imprint-academic.com.
- Hayek F.A.* (2000). Individualizm i ekonomicheskij poriadok [Individualism and Economic Order]. M.: Isograph (in Russian).
- Hayek F.A.* (1992). Pagubnaya samonadeyannost. Oshibki socializma [Fatal Conceit: Errors of Socialism]. M.: Novosti (In Russian).
- Hayek F.A.* (2006). Pravo, zakonodatelstvo i svoboda [Law, Legislation, and Liberty]. M.: IRISEN (in Russian).
- Holcomb R.G.* (2014). Improving Spontaneous Orders // Austrian theory and economic organisation: reaching beyond free market boundaries / In Nell, G. (ed.). New York: Palgrave Macmillan.
- Horwitz S.* (2015). Hayek's Modern Family: classical liberalism and the evolution of social institutions. New York: Palgrave Macmillan.
- Huerta de Soto J.* (2008). Avstrijskaja ekonomicheskaja shkola: rynek i predprinimatel'skoje tvorchestvo [The Austrian School: Market Order and Entrepreneurial Creativity]. Cheliabinsk: Sotsium. (In Russian).
- Kuzmin A.A.* (2015). K voprosu o proishozhdenii srednevekovykh anglijskikh familij [On the Question of the Origin of Medieval English Names] // Aktualnyje problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2–1, 251–253. (In Russian).
- Leonovich O.A.* (2002). V mire anglijskikh imion [In the world of English names]. M.: Astrel (in Russian).
- Menger C.* (2005). Issledovanije o metodah socialnykh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti. [Investigations into the Method of the Social Sciences with special reference to Economics]. M.: Publishing House "Territory of the Future" (in Russian).
- Molchanova G.G.* (2009). O sinergetike i sinergeticheskom sčeplenii konceptov 'zhizn' i 'tekst' [On the synergy and synergetic engagement of the concepts of "life" and "text"] In *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: tradicii i novatorsvo Sbornik v chest E.S. Kubrakovoj* [Horizons of modern linguistics: Tradition and innovation. Collection after E.S. Kubrakova] (Pp. 199–207). M.: Yaziki slavianskikh kultur. (In Russian).
- Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus], f. 36, op. 17, d. 54–55, 70 (in Russian).
- Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus], f. 36, op. 25, d. 96–100, 165–170 (In Russian).
- Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus], f. 333, op. 9, d. 369, 672, 1138, 1139 (in Russian).
- Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 wrzesnia 1921 roku (1927). [First total census of Republic of Poland at September, 30, 1921]. Warszawa: Wydawnictwa Glownego Urzedu Statystycznego (in Polish).
- Piscovaya kniga Pinskogo i Kleckogo kniazhestv, sostavlenная Pinskim starostoyu Stanislavom Hvalchevskim v 1552–1555 g. (1884) [Scribal book of Pinsk' and Kleck' principalities compiled by Stanislav Hvalchevsky, Pinsk elder, in 1552–1555]. Vil'na: Izdanije Vilenskoj arheograficheskoy komissii (in Polish).
- Trubeckoy V.S.* (2005). Features of naming residents of the village of settlement Artig, izhneserginsky district Sverdlovsk region // *Voprosy onomastiki*. № 2. P. 147–150 (in Russian).
- Vaughn Karen I.* (2009). Nevidimaja ruka [Invisible Hand] // In Eatwell, John, Murray Milgate, and Peter Newman (eds.) *Nevidimaja ruka rynka* [Invisible Hand of the Market] (Pp. 226–231). M.: Izdatelskij dom GU-VSE. (in Russian).
- Voejkova M.D.* (2011). Rannije etapy usvoenija detmi imennoj morfologii russkogo jazyka [The early stages of the assimilation of nominal morphology of Russian language by kids]. M.: Znak (in Russian).
- Vorontsova I.I. & Chaplin S.G.* (2014). Osobennosti obrazovanija antroponimov (sravnitelnyj analiz russkoj i anglijskoj trasicii) [Features of formation of personal names (comparative analysis of Russian and English traditions)]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 3 (30), 136–144 (in Russian).
- Yefimov V.M.* (2011). Diskursivnyj analiz v ekonomike: peresmotr metodologii i istorii ekonomicheskoy nauki [discourse analysis in the economics: review of the methodology and the history of economic science] // *Ekonomicheskaja sociologija*, 12, 3 (May), 15–53 (in Russian).